

«Русская мечта» и ее воплощение в современной России

Уважаемые друзья, организаторы Клуба предлагают нам сегодня немного помечтать, хотя установка на мечту в нынешней ситуации, когда мир скорбит по пассажирам сбитого над Донбассом Боинга, весьма рискована. Пока не ясно, кто его сбил и, по всей видимости, туман вокруг данного события будет сгущаться и дальше – но это событие, которое, на самом деле, может изменить ход истории не только на Украине.

Некоторые западные и прозападные эксперты считают, что в связи с крушением названного лайнера какие-либо русские мечты скоро могут стать не актуальными, и России останется разве что молиться о спасении, но мы все же помечтаем сегодня, поскольку наша версия причин падения малазийского самолета принципиально отличается от тех уток, которыми потчует нас сегодня западная пропаганда. И эту версию я изложу в конце своего доклада...

Для начала напомним, как возникла идея обсудить на заседании Клуба тему «Русской мечты». Пару месяцев назад у нас в гостях была пятерка китайцев, которым был задан вопрос: а существует ли китайская мечта? Этот простой вопрос, который задавался раз пять, поставил посланцев Поднебесной в тупик. Наконец, один из гостей ответил, что такая мечта у китайцев, пожалуй, есть. Это мечта о здоровой экологии.

Что ж, нам была названа вполне утилитарная и прагматичная квазимечта, которая – в силу её утилитарности и приземленности – показывает ментальную близость китайского и конфуцианского Востока, на самом деле, не к нам, а к Западу и протестантам. Я тогда предложил организаторам Клуба, что может быть есть смысл на наших заседаниях провести некий компаративный анализ: сравнить китайскую, американскую,

русскую, европейскую и другие национальные мечты. Организаторам Клуба идея понравилась, результатом чего стало предыдущее заседание, которое открыл своим интереснейшим докладом на тему «Святой Руси» Алексей Козырев... После разговора о Святой Руси мы поговорили про феномен юродства на примере Василия Блаженного, затем про русскую храмовую архитектуру, а Русскую мечту обсудить, как планировалось, не успели и перенесли эту тему на сегодня.

Почему я вспоминаю сейчас предыдущее наше заседание? Дело в том, что при всей автономности докладов, их совокупность стала в итоге весьма любопытной, по сути, метафизической комбинацией смыслов: поскольку юродство на Руси – это оборотная сторона русской святости, а сам Храм Василия Блаженного – самый характерный пример самобытной православной архитектуры, который тем не менее не стал (полагаю, не случайно) предметом анализа докладчика-специалиста по русским храмам.

Вообще надо сказать, что если кто-то вдруг всерьез начинает заниматься русской или какой-то иной метафизикой, в психологии этого индивида неизбежно начинают происходить определенные метаморфозы... Тогда человек начинает прочитывать иконы и ощущать чудотворную силу некоторых из них, по новому воспринимать атмосферу храмов, видеть разного рода знаки.

Знаков в ходе прошлого заседания Клуба было выше крыши. И лично меня это сподвигло на целый ряд действий.

Во-первых, я задумался – а где же я был конкретно крещен? (Я знал город, где это произошло, но не знал, в каком это было храме). Так вот: месяц назад я съездил в город в шестистах километрах от Москвы. И выявились потрясающие вещи, о наличии которых я подозревал, но моё расследование эти подозрения полностью подтвердило. Это как если бы кто-то, не зная ни слова по-испански, ночью разговаривал бы во сне на этом языке, а потом провел расследование и узнал, что его в детстве перепутали в роддоме, отняв у матери-испанки. Впрочем,

фантомная память – это отдельная тема, о которой можно поговорить в кулуарах.

Во-вторых, я посетил одну из трех Казахстанских столиц, где познакомился с Казахской мечтой, формирование и осознание которой – в формате обретения казахами мира Великой Степи – набирают обороты.

В-третьих, с коллегами по Институту ЕврАзЭС мы провели Стрим-семинар на тему «Китайская мечта», о результатах которого я могу рассказать отдельно.

И в-четвертых, месяц назад мне довелось поучаствовать в учреждении Зиновьевского клуба. И на первом же его заседании случилась небольшая дискуссия именно по теме Русской мечты. Я предложил очередные Зиновьевские чтения посвятить одной из **последних книг Александра Зиновьева под названием «Русская трагедия»** и тему сформулировал так: «От Русской трагедии к Русской мечте». На что очень уважаемые люди заметили, что «русским вообще мечтать вредно». Что «всякая Русская мечта и ведет в итоге к Русской трагедии».

Разумеется, я не согласен с подобным тезисом. Не согласен потому, что к Русской трагедии, с моей точки зрения, привели нас в 1917-ом году, а затем в 1985-1991 гг. не Русские мечты, а неспособность власти действовать согласно чаяниям и ожиданиям народных масс.

Итак, вот после такой длинной преамбулы предлагаю перейти к собственно обсуждению заявленной темы.

Прежде всего, отмечу, что мечты бывают разные. Бывают, как у гоголевского Манилова, маленькие и личные обывательские грезы. В советское время, если вы помните, советские люди мечтали о «машине-квартире-даче». В новорусское время к этой триаде добавились разве что яхта и банковский счет с множеством нулей. Подобные мечты легко выявляются методом опроса населения... Однако же этим методом нельзя выявить национальные мечты, а тем более мечты цивилизационные. Это тот

уровень психологии, я бы сказал – подсознания отечественного антропофактора, понимание которого позволяет объяснить почти всё. И наше прошлое с настоящим, и будущее, и события на Украине, и характер нарастающих кризисов и войн по всему миру.

То, о чем я хотел бы сегодня поговорить, это Русская мечта как мечта именно цивилизационная. **Мечта Русского мира – это, по сути, философия, не обязательно осознаваемая, артикулируемая и даже признаваемая таковой.** Это, однако же, совершенно объективный феномен и категория, вмещающая в себя базовые паттерны русско-российского цивилизационности, которые давно (исторически) и глобально определяют – хотим мы того или нет – нашу жизнь.

У **Льва Гумилева** есть термин «национальный стереотип поведения». Так вот, Русская мечта – это важнейший фактор, определяющий стереотип поведения русско-российского человека, основа и **КОНЦЕНТРИРОВАННОЕ ВЫРАЖЕНИЕ** нашего цивилизационного архетипа, своего рода незримая, но вполне реальная **МЕТАФИЗИКА** русско-российской жизни.

Мой первый тезис относительно Русской мечты сводится, как вы уже, наверное, поняли, к ответу на вопрос – «А стоит ли мечтать?» С моей точки зрения, русский человек просто обязан мечтать, поскольку это обязана делать любая суверенная цивилизация, чья судьба находится в её собственных руках... Вот украинцам мечтать уже бессмысленно: все, о чем бы захотели сегодня помечтать украинские элиты или граждане, уже зависит не от них, а от тех, кто приватизировал судьбу этой страны. Соответственно, для нас, граждан России цивилизационная мечта – метафизическое воплощение рождающихся внутри Русского мира версий пути и разного рода стратегий развития, драйвер прогнозирования и проектирования нашего будущего.

И если российские элиты уже в ближайшее время не смогут понять сущности Русской мечты, а власть не сможет действовать согласно этим сущностям, вот тогда **мы снова столкнемся**

с повторением Русской трагедии.

Второй мой тезис состоит в утверждении, что существуют не только разные уровни Мечты, но также разные её типы.

С моей точки зрения, существует три основных типа цивилизационной мечты, определяемых тремя типами цивилизаций:

а) для цивилизаций иррационального типа как «Мира традиций, инстинктов и связи с Природой» (Восток) характерны, условно, **Мечты в сказку**: о счастье в загробной жизни, о рае на небесах, о реинкарнации и т.п.;

б) для цивилизаций рационального типа как «Мира денег, технологий и удовольствий» (Запад) характерна, также условно, **Мечта о благоденствии здесь и сейчас**;

в) для цивилизаций духовного типа как «Мира людей и ценностей» (Россия) характерна **Мечта о феноменах духовного порядка**.

О каких феноменах идет речь, будет сказано чуть позже, а пока тезис третий: цивилизационная мечта не осознаваема и не проявляема в статичной ситуации, но дает о себе знать на резких и фундаментальных поворотах истории, когда перед нацией-цивилизацией встает вопрос жизни или смерти... Перед Русским миром так вопрос вставал неоднократно, что, в итоге предопределило генезис Русской мечты и её развитие **от способности мечтать к НЕспособности НЕ мечтать**.

Таким образом, чтобы разгадать основу и сущность Русской мечты, обратимся к истории, однако же посмотрим на неё взглядом НЕ историка-хронографа, НО цивилизационщика.

С точки зрения развития Руси-России как страны-цивилизации мы видим, как минимум, пять масштабных исторических развилочек-развязок, которые наша страна преодолела посредством величайшего напряжения сил, всякий раз осуществляя своеобразный цивилизационный – верный или не верный – выбор.

Первый выбор был связан с выходом России из-под власти Орды

в конце 14 века, второй – с преодолением зависимости от католического Запада (начало 17 века), третий – с избавлением от крепостного права, а затем и от самодержавия (конец 19 – начало 20 веков), четвертый выбор был связан с победой над фашизмом и пятый – с преодолением административного квазисоциализма.

Сегодня мы находимся на пороге шестого и самого, пожалуй, сложного выбора – преодоления зависимости от новой, на сей раз глобальной Орды «нового мирового порядка».

Вам, я вижу, не терпится задать вопрос: так в чем она состоит, Русская мечта, и какой феномен лежит в её основе? Я дал вам подсказку – шесть исторических развилок-развязок. Попробуйте угадать – за что на каждой из этих развилок русские люди были готовы отдать свои жизни? А пока вы думаете, скажу пару слов о так называемой Американской мечте. О мечте, которая некогда возможно была самой близкой по содержанию к мечте русско-российской.

Американская мечта, так же, как и наша, русско-российская мечта, проявляла себя в самые важные для американской нации повороты истории.

Становление этой мечты началось в период колонизации Северной Америки, когда главной задачей колонистов была задача расчистки жизненного пространства, его освобождения от индейцев и утверждения себя в качестве легитимных хозяев захваченных территорий. И в этом весьма масштабном процессе, занявшем пару-тройку столетий, сформировались две важнейшие составляющие Американской мечты: стремление к доминированию и стремление к Свободе.

Эти два неразрывно связанных паттерна предопределили характер всей американской культуры, национально-цивилизационной ментальности, внешней и внутренней политики США и проч.

Второй поворот американской истории был связан с преодолением зависимости от метрополии – Британской империи. Третий –

с борьбой за доминирование Денег (банкиров и промышленников) над Почвой (латифундистами и сословной аристократией), который в американской лукавой историографии трактуется как борьба демократического Севера с традиционалистским Югом, приведшая в итоге к победе сил демократии и к отмене рабства.

Четвертый поворот американской истории связан с деятельностью **Франклина Рузвельта**, в том числе – с его геополитическим выбором в пользу антифашистской коалиции, а затем с созданием американцами неоимперской системы управления Европой и частью Юго-Восточной Азии.

Пятый поворот в американской истории связан с борьбой чернокожего населения во главе с **Мартин Лютером Кингом** за свои права, хотя, по сути, это была не только борьба афроамериканцев за свою Свободу, но и стремление Демократов получить преимущественно перед республиканцами путем привлечения в свой актив почти десяти миллионов дополнительных голосов чернокожих избирателей.

Как видим, все развилки американской истории связаны с двумя ключевыми мотивами-линиями: с одной стороны, стремлением к Свободе, с другой – стремлением к доминированию во все большем пространстве. При этом главное отличие американской истории от истории русской заключается в том, что в Америке главным субъектом выбора всегда были элиты – крупнейшие собственники, которые и вели нацию от одного успеха к другому. В России же ключевым субъектом цивилизационного выбора всегда оказывались массы. (Америка захватывала пространства, тогда как Россия их ассимилировала). Отсюда своеобразная артикулированность американскими элитами своей Национальной мечты в режиме самопиара и даже постановка светлой стороны этой Мечты (стремления к Свободе) в центр всех своих политических программ при неартикулированности и даже неосознанности своей Национальной мечты в России, в которой элиты традиционно говорят о чем угодно, но только не о главном, не о сущностном.

Оформление Американской мечты как месседжа для масс произошло во время правления Рузвельта. Тогда с одной стороны, населению были предложены конкретные программы занятости (и, следовательно, заработка); но у вполне утилитарных задач, связанных с развитием дорожной сети, жилищного строительства и автомобилестроения был и метафизический подтекст – реальное расширение пространства Свободы как рост возможностей для нормальной жизни большинства американцев.

60-е годы в Америке стали временем максимальной Свободы. Такого уровня Свободы, какой был в США в начале 60-х годов, не было нигде и никогда, и в ближайшее время уже, видимо не будет.

Немецкий политолог Матиас Брекерс в книге «Д.Ф.Кеннеди: государственный переворот в Америке» считает, что убийство Джона Кеннеди в ноябре 1963 года ознаменовало собой конец американской Республики. Так и есть: после этого убийства в США началась новая эпоха.

Лично мои политологические изыскания еще в студенческое время были связаны с изучением «новых левых» движений и вообще феномена шестидесятничества в России и за рубежом. Прочитав кучу научных книг на данную тему, посетив разные страны, включая США, и пообщавшись с участниками движения «новых левых», сам феномен американской свободы я прочувствовал, как мне кажется, только после прочтения лет двадцать назад известной **книги Джека Керуака «В дороге»**. (Не буду загружать вас примерами из этой книги, кому интересно – сами прочтете. Скажу только, что особенности и американской, и русской мечты связаны с метафизикой Обширного пространства, а также Большого и долгого пути, и именно передачей атмосферы Обширного Пространства, собственно, и интересна книга Керуака).

Итак, в конце 20 века понятие Свободы в Америке подверглось существенной трансформации. Линия доминирования в Американской мечте постепенно подчинила себе линию Свободы. Сама идея Свободы – уж поскольку американским элитам стало очевидно, что

эта идея работает (свидетельством чему стали и выход США из «Великой депрессии», и победы в Мировой и холодной войнах, и события 11 сентября 2001 года), была поставлена на службу утилитарным интересам этих самых элит. Идея доминирования стала определяющей, оформившись в 80-е годы как идея не только технологического, но и любого другого превосходства США, и даже её исключительной роли (миссии) в мировом развитии.

В конце 20 века в американской научной литературе эта идея получила свое обоснование в самых разных концептах и доктринах – от концептов «сверхиндустриального общества» Элвина Тоффлера и «кочевого человека» Жака Аттали до специфической внешнеполитической доктрины США. Результат не замедлил себя ждать. **В сентябре 2001 года фактически состоялся шестой цивилизационный выбор США.**

К этому моменту Америка фактически завершила 500-летний цикл своего развития: начав в начале 16 века зачистку североамериканской территории от индейских аборигенов, в начале 21 века американские элиты начали зачистку от «дикарей» в мировом масштабе. При этом решая задачи обеспечения глобального доминирования, они традиционно называют свои мегаутилитарные, по сути, захватнические задачи борьбой за Свободу, возведя саму идею Свободы во все менее содержательную догму, в стержень американской сверхдемагогии, в фразеологический остов всей конструкции продвигаемого американской нетократией концепта «информационного общества».

Сентябрь 2001 года похоронил Американскую мечту в том виде, в каком она существовала 500 лет. Военные операции в Афганистане, Ираке, Ливии, Сирии и проч. уже не стали борьбой за чьё-либо освобождение, хотя Госдеп США, комментируя эти операции, по-прежнему оперирует понятием «Свобода». Разумеется, фальшь американского свободолюбия не могут не видеть интеллектуалы, в том числе – интеллектуалы в самих США. Посему американским политстратегам понадобилась серьезная работа с интеллектуальной средой, чтобы выбить из-под неё главный козырь – когнитивную альтернативу глобалистской идее

захвата мира под лозунгом Свободы. Так появился **американский блокбастер «Матрица»**, фильм, в котором все ключевые вопросы ставятся от лица «левых» сил (прототипы Богоматери и Николая Крестителя – афроамериканцы, Нео, как прототип Христа – политкорректно не англосакс, падший ангел Меровинген, очевидно, фашистский типаж и т.п.), но вот ответы даны с «правых» позиций:

борьба за Свободу имеет смысл только если это борьба за Любовь;

борьба за Свободу – удел одиночек-супергероев;

борьба с Системой невозможна извне; единственный способ борьбы с Матрицей – стать её частью, чтобы тешить себя надеждой о возможности взорвать Систему изнутри.

Из этой же серии, кстати, – спецоперация «Франциск». Речь идет о нынешнем Папе Римском, иезуите, который – после его явно организованного спецслужбами продвижения на пост понтифика – ставит перед паствой вопросы в абсолютно «левом» духе, но ставит их так, что ответы оказываются выгодны «правым». (О роли Папы Франциска II-го на нынешнем этапе установления тотального контроля над миром подробнее см. <http://www.eurasec.com/analitika/3557/>).

Отчасти квазифилософия «Матрицы», подкрепленная конкретными действиями американских спецслужб в отношении СМИ и инакомыслящих, сработала: журналистско-экспертные массы заткнулись, но появился **Эдвард Сноуден** – этакий Нео, герой-одиночка внутри системы. (И он, очевидно, не последний). Что же касается Голливуда, играющего роль своеобразной системной фронды Капитолию, то на его поле идея Свободы по-американски все больше становится предметом откровенного стеба. Посмотрите, к примеру, свежий голливудский **блокбастер «Трансформеры-4. Эпоха истребления»** (обратите внимание на название фильма!), где главный злодей, стремящийся к власти над миром, уничтожая автоботов, карикатурно обосновывает свои

действия защитой Свободы для американцев.

Но вернемся к Русской мечте. Каких-либо версий относительно её содержания у аудитории, как я вижу, не возникло. А моя версия такова: на всех переломах русской истории ключевым вопросом для россиян становился вопрос ... о Свободе. Да, да, как это ни парадоксально звучит для русского уха, – именно о ней.

В чем отличие Американской мечты о Свободе, о которой нам талдычат сегодня даже из холодильника, от аналогичной Русской мечты, о содержании которой граждане России сегодня даже не задумываются? С моей точки зрения, американское стремление к Свободе всегда было не отделимо от стремления доминировать (а сегодня, в принципе, свелось к этому), в то время как **русское стремление к Свободе всегда было связано с Аксиологией как некой самобытной системой ценностей.**

Очевидно, что русские и американцы по-разному понимают саму категорию «Свобода». Для западного человека Свобода связана, прежде всего, с возможностями индивида (с его богатством, статусом, влиянием, популярностью и проч.), и она выше божественных установлений. Отсюда и известная формула либеральной демократии – «Где Свобода, там и Господь». Для русского человека Свобода связана с его внутренним морально-психологическим состоянием, с неким духовно-нравственным комфортом, который достижим в случае следования индивида конкретным императивам – Чести, Достоинству, Правде, Справедливости и т.п. Что, собственно, и закреплено в православной формуле «Где Господь, там и Свобода». (Просту говоря, даже в клетке человек может быть свободным, если чиста его совесть, и наоборот: даже находясь на вершине власти и успеха, можно быть сверхзависимым – словно в тюрьме).

На одном из заседаний нашего Клуба кто-то сказал, что сила Киевского майдана заключается в том, что его активисты готовы умирать. Я тогда поправил выступающего, сказав, что **«они готовы не умирать, а убивать, а это две большие разницы»...**

Сегодня мы видим – после Одессы, после артобстрелов городов на Юго-Востоке, – что сторонники евроинтеграции на Украине действительно готовы убивать. А некоторые даже искренне торжествуют, когда им удается зажарить «москаляк»... Но мы сегодня видим и другое: что готовые умирать ополченцы Юго-Востока не стремятся к тому, чтобы убивать. Они отпускают пленных, отдают раненым с противной стороны свои бинты, и не пытаются кого-либо обратить в свою веру силой.

Как вопрос о готовности представителей враждующих ныне на Украине американской и русской цивилизаций к убийствам и самопожертвованию связан с ценностью Свободы? Все очень просто: борьба за Свободу (то есть за осуществление своей национальной мечты) требует готовности убивать и умирать. И если представители одной цивилизации связывают Свободу с возможностью силой навязать свою точку зрения кому-либо, то вторые – в возможности её высказать несмотря ни на что. Одни видят Свободу в возможности нападения, захвата и убийств, другие – в возможности защитить себя и близких даже ценой собственной жизни.

На той же многострадальной Украине, расчлененной сегодня надвое именно по цивилизационному признаку, у одних в числе национальных героев числятся персонажи вроде той девицы, которая наводила минометный огонь на мирных жителей и журналистов, у других – те, кто спасает чужие жизни ценой собственной. (Кстати, а вы заметили, что у американцев почти нет военных героев?)

Вся мировая философия пронизана вопросом: можно ли убивать, если в Евангелии сказано – не убий. И второй вопрос, не менее актуальный, во всяком случае, в русской философии – ради чего стоит умирать?

На первый вопрос сполна ответил еще **Федор Достоевский** в «Преступлении и наказании» и в «Братьях Карамазовых»: с Богом в душе убивать не позволено, а если в душе Бога нет, тогда возможно всё.

Меня в свое время – задолго до перестройки – захватила американская военная проза, поскольку я был поражен совершенно иной, в сравнении с советской военной прозой, атмосферой романов **Джеймса Джойса, Нормана Мейлера, Джозефа Хеллера.**

Перед героями романов этих и многих других американских авторов в принципе не стоит вопрос «умирать или не умирать». Он ясен: нет такой причины, за которую стоило бы умирать; рефлексия американских интеллектуалов происходит вокруг вопроса – «убивать или не убивать?», ответ на который давно дала американская политическая машина: убивать можно и должно. Особенно ради Свободы Америки. Ради идеи Свободы можно сбрасывать атомные бомбы на мирные города, можно взрывать собственные небоскребы, можно сбивать гражданские самолеты и совершать разного рода подлоги, как это делали американцы в Боснии, Косово и Киеве.

А в русской военной прозе все обстоит ровно наоборот. Здесь – абсолютная ясность в том, что убивать – грех. Вся рефлексия идет вокруг вопроса о том, за что стоит умирать; и четче всех, с моей точки зрения, на этот вопрос ответил **белорусский писатель Василь Быков в знаменитой военной повести «Сотников»,** для которого Честь выше самой жизни.

Завершая выступление, вновь хочу обратиться к событиям на Юго-Востоке Украины, где вчера потерпел крушение малазийский лайнер.

Для меня нет никаких сомнений в том, что сбитый самолет – это спецоперация американских спецслужб (возможно – при участии киевской хунты). Поскольку это в традиции американского истеблишмента – использовать любые средства, в том числе, убийство мирного населения и уничтожение гражданских объектов ради достижения глобальной цели – подчинения мира.

Конечно, пока доподлинно не доказано, кто взорвал Боинг над Донбассом, посему некая мизерная вероятность того, что это сделали не американские спецслужбы, конечно же, существует.

Но даже если мы представим себе, что малазийский лайнер сбит, например, ополченцами Юго-Востока, подобное могло произойти лишь по ошибке или чьей-то не системной глупости, не более.

Разумеется, я абсолютно уверен также и в том, что **участие в крушении лайнера российской стороны абсолютно исключено**. Цивилизационный архетип русско-российского народа не может допустить, во-первых, организации системного (поддерживаемого элитами, включая высший командный состав силовых структур) и массового убийства гражданских лиц. А во-вторых, этот же архетип абсолютно исключает тотальную ложь, подобную той, которой наполнены сегодня американские и многие европейские СМИ, легко и с ходу обвинившие Россию и ополченцев в крушении самолета, не имея в подтверждение своей «версии» ни одного реального доказательства.